

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Киммерийцы: проблемы исторической и культурной интерпретации

© 1998 г.

КИММЕРИЙСКАЯ ПРОБЛЕМА

(По поводу книги: А.Ю. Алексеев, Н.К. Качалова, С.Р. Тохтасьев.

Киммерийцы: этнокультурная принадлежность.

Публикации Информационно-исследовательского института «Ермаков».

Малая серия. Вып. 1). СПб., 1993. 121 с.*

В опубликованной недавно на страницах «Вестника древней истории» работе¹ было отмечено то значение, которое имеет для разработки киммерийской проблемы появление в последнее время двух специальных монографий, исследующих различные категории материалов по этой проблеме, и была проанализирована та из них, которая посвящена древневосточным свидетельствам о киммерийцах. Мы обращаемся теперь к другой работе, в которой три петербургских автора рассматривают сообщения о киммерийцах, содержащиеся в античных источниках, и археологические материалы по названной проблеме. По существу эта и предыдущая работа составляют единое смысловое целое. Разбираемая книга в значительной мере призвана развить и подкрепить мысли, уже высказанные ее авторами в предыдущих работах, что позволяет нам в некоторых случаях для более полного уяснения их позиции обращаться и к этим исследованиям. Особого внимания в этом отношении заслуживает книга А.Ю. Алексеева «Скифская хроника» (СПб., 1992).

Монография состоит из двух частей. Первая глава, написанная С.Р. Тохтасьевым, называется «Античная литературная традиция о киммерийцах», вторая, принадлежащая перу А.Ю. Алексеева и Н.К. Качаловой, – «Археологические аспекты киммерийской проблемы». Специфика материала диктует различие в методике анализа, реализуемого в этих двух главах, и потому целесообразно рассмотреть каждую из них отдельно, а уже затем судить, насколько согласуются между собой полученные авторами глав выводы и в какой мере они создают целостную, непротиворечивую и убедительную картину.

С.Р. Тохтасьев много и успешно занимается изучением различных аспектов киммерийской проблемы. Предпринятое им фронтальное исследование античных свидетельств о киммерийцах уже очень давно необходимо всем специалистам разного профиля, так или иначе причастным к исследованию истории этого народа. Автор, привлекая всю совокупность свидетельств, ставит перед собой задачу выяснить источники бытовавших в античном мире сведений о киммерийцах, проследить линию развития традиции и – главное – установить меру ее достоверности. К реализации

* Работа выполнена в рамках реализации научного проекта, осуществляемого при финансовой поддержке Международного научного фонда.

¹ Грантовский Э.А., Погребова М.Н., Раевский Д.С. Киммерийцы в Передней Азии (По поводу монографии: А.И. Ivantchik. Les Cimmériens au Proche Orient. Editions Universitaires Fribourg Suisse. Göttingen, 1993 (Orbis Biblicus et Orientalis, Bd 127) // ВДИ. 1997. № 4).

этой задачи он приступает во всеоружии исключительной эрудиции филолога-классика, оперирующего как трудами, непосредственно затрагивающими рассматриваемую проблему, но отчасти нашей историографией забытыми, так и теми, которые имеют к ней косвенное (хотя от этого не менее существенное) отношение и зачастую в поле внимания отечественных специалистов по киммерийцам вообще не попадали.

Однако в первую очередь в заслугу автору необходимо поставить полноту самих привлеченных античных свидетельств о киммерийцах. Можно выразить сожаление, что авторы книги не выделили собранные ими античные свидетельства о киммерийцах в специальный свод, опубликовав его в приложении к монографии, как это сделал А.И. Иванчик с восточными текстами. При отсутствии в книге указателей (и – приходится констатировать – при логической и композиционной усложненности первой главы) поиски в ней того или иного источника затруднены. Нельзя также не отметить неточность некоторых ссылок. Так, на с. 9 в прим. 1 дана ссылка Strabo. XIV. 4 вместо XIV. 40, а в прим. 52 на с. 35 следует читать не Herod. IV. 137, а Herod. VI. 137. Есть отдельные ошибки и в библиографии (к примеру, статья Д.А. Ельницкого «Киммерийцы и киммерийская культура» помещена не в № 4, а в № 3 ВДИ за 1949 г.). Но такие мелкие огрехи могут, конечно, вкрасться в любое издание и на общую оценку монографии не влияют. Для нас важно само содержание первого раздела рецензируемой книги.

Главную свою задачу С.Р. Тохтасьев видит в анализе вопроса о том, откуда черпал античный мир свои сведения о киммерийцах и как эти сведения эволюционировали в его литературной традиции, каковы «генеалогические» отношения между различными сообщениями и соответственно какова мера достоверности каждого из них. По существу первичных источников таких сведений автор называет два: сохраненное в устной традиции и лирике воспоминание о столкновении греков с киммерийцами в Малой Азии в VII в. до н.э. (с. 9)² и упоминание этого народа у Гомера (Od. XI. 12–19), породившее в древности огромное количество комментариев. При этом именно последний оказал наибольшее влияние на развитие античной традиции о киммерийцах, поскольку, по словам С.Р. Тохтасьева, «подавляющее большинство античных писателей смотрит на киммерийцев как бы сквозь призму гомеровского свидетельства» (с. 15).

Античные свидетельства о киммерийцах в Малой Азии явно опираются на историческую реальность, хотя и подвергнувшись в дальнейшем серьезной переработке. Однако основное внимание в книге уделено не им, а наиболее спорной проблеме историчности данных о прародине киммерийцев и об их взаимоотношениях со скифами. В связи с этим автор ставит два кардинальных, по его собственному определению, вопроса: «(1) взаимоотношение исторического предания и античных *studia homerica* в традиции о киммерийцах вообще и специально для Северного Причерноморья; (2) проблема источников греческих сведений о киммерийцах как древнейших обитателях Северного Причерноморья» (с. 17). Наблюдения С.Р. Тохтасьева обладают несомненной ценностью, хотя, на наш взгляд, иногда страдают излишней категоричностью.

Представления эллинов о пребывании киммерийцев на севере Понта С.Р. Тохтасьев анализирует ретроспективно, поскольку это, по его словам, позволяет, «отделив позднейшие, недостоверные исторически и вторичные наслоения традиции, выявить ее первоначальное ядро» (с. 20). Отметив вторичность и малую информативность сообщений эллинистического и римского времени на этот счет (с. 21), он обращается к анализу данных Геродота, справедливо характеризуя его труд как «один из основных источников, питавших позднейшую традицию о киммерийцах» (там же) и пытаясь выявить источники самого Геродота по исследуемому вопросу.

И здесь со всей отчетливостью начинает проявляться одна из ключевых установок автора: стремясь детальнее проследить, как развивалось и обрастало дополнитель-

² В дальнейшем ссылки на монографию даются непосредственно в тексте.

ными толкованиями то или иное свидетельство о киммерийцах в рамках античной литературной традиции, саму эту традицию С.Р. Тохтасьев рассматривает как закрытую для любых внешних источников и прежде всего – для каких-либо сведений, циркулирующих в местной (в данном случае – причерноморской) этнической среде. Такой трактовке не мешают и случаи, когда античные авторы сами указывают на «варварский» источник приводимых ими сведений. В полной мере этот подход реализуется в осуществленном С.Р. Тохтасьевым анализе третьей Геродотовой версии рассказа о происхождении скифов (Herod. IV. 11–12), содержащей основные имеющиеся в нашем распоряжении данные о киммерийцах в Северном Причерноморье и об их взаимоотношениях со скифами.

Отвергнув без всякой мотивировки (за исключением мимоходом брошенного упрека в отсутствии «особых оснований») предположение Ф. Якоби об использовании Геродотом каких-либо устных источников (с. 22, прим. 25), С.Р. Тохтасьев отстраивает мысль о заимствовании всей интересующей нас Геродотовой версии в целостном виде из одного письменного источника – скорее всего из Гекатея Милетского. Данную же «отцом истории» характеристику этой версии как рассказываемой и эллинами, и варварами С.Р. Тохтасьев объясняет так: «Как убедительно показал Мюлленхофф, вторая часть ссылки Геродота (βάρβαροι) подразумевает восточную, по всей видимости, мидийскую традицию о вторжении скифов в Мидию», причем «это самое мидийское (?) предание о скифах», по мнению исследователя, уже содержалось в использованном Геродотом античным источнике (с. 21–22).

При такой трактовке возникает вопрос: а откуда воспринял Геродот (или его источник) предание о предшествующем упомянутому вторжению вытеснению скифов «из Азии» исседонами или массагетами (вариант этого предания сохранен и Диодором – II. 43)? Вопрос этот предельно важен, ибо именно к этому событию у Геродота привязан рассказ о киммерийско-скифском столкновении. Сами эллины не были свидетелями этого передвижения, поскольку оно, без сомнения, произошло до появления греческих колонистов на северном побережье Понта. Отсюда логично предположить, что именно эта часть Геродотова рассказа может с наибольшим правом претендовать на «варварское» происхождение. Следует ли из ссылки С.Р. Тохтасьева на мнение К. Мюлленхоффа заключить, что он и эти сведения считает восходящими к мидийской традиции (ведь о других негреческих источниках у него нет ни слова)? Доведенный до такого логического конца этот вывод выглядит экстравагантно, поскольку предполагать интерес мидийцев к событиям в далеких евразийских степях достаточно странно.

Впрочем, мы далеки от того, чтобы приписывать С.Р. Тохтасьеву эту мысль, но, к сожалению, его представление о формировании сохраненной Геродотом (заимствованной у Гекатея?) версии изложено не слишком четко. Скорее следует понимать, что все в этой версии, не возводимое к мидийской традиции о вторжении скифов в Переднюю Азию, рассматривается исследователем как собственное ученое построение ее автора. Базируется такое построение, согласно С.Р. Тохтасьеву, на следующих основаниях: представление о повторении Одиссеем в его странствии маршрута аргонавтов, издавна мыслящегося как имеющего своей целью Колхиду, что влетает за собой локализацию Гомеровых киммерийцев на берегах Понта; существование на северном его побережье «киммерийской топонимии»; использование данных Аристия о Скифии и более северных областях. Все это, по мысли С.Р. Тохтасьева, позволило этому автору увязать свой рассказ «со всем прочим материалом, в том числе – с данными о киммерийцах в Азии» (с. 22–24). Что касается Аристия, то его рассказ о северных землях и, в частности, о киммерийцах на севере Понта С.Р. Тохтасьев также возводит исключительно к греческому миру – к локальным преданиям, сложившимся «в среде местных греческих поселенцев» и лежащим в основе «всей известной нам литературной традиции» (с. 29–30). Остается непонятным, почему необходимо категорически исключать возможность заимствования Геродотом или кем-то из его предшественников какой-то части содержащихся в рассматриваемой версии сведений

из местной устной традиции. Ссылка на Аристея только заостряет этот вопрос, поскольку многие исследователи не ограничивают источник информации Аристея о северных землях традицией припонтийских эллинов, но – при всем различии конкретных трактовок – находят у него отчетливые следы влияния фольклора евразийских абorigineнов³.

У С.Р. Тохтасьева тезис о существовании собственно скифского эпоса, в известной мере питавшего античную традицию об обитателях северопонтийского региона, вызывает полное неприятие. Так, предположение одного из авторов данной работы, что именно к этому эпосу восходит рассказ Геродота (IV. 11) о столкновении между киммерийскими «царями» и «народом»⁴, он характеризует как «основанный на общих соображениях, которые весьма спорны и сами по себе» (с. 19–20). Признать подобное утверждение, не сопровождающееся рассмотрением приведенных в поддержку данной гипотезы конкретных аргументов, достаточным опровержением затруднительно. Чисто греческое происхождение этого, как и ряда других «скифских» сюжетов в античной традиции о Северном Причерноморье, на наш взгляд, не способно убедительно объяснить упоминание в них деталей, специфических (и весьма значимых) для ираноязычных народов и непонятных для эллина⁵.

Между тем тезис о наличии в античной традиции о Северном Причерноморье прямых реминисценций местного эпоса базируется отнюдь не исключительно на «общих соображениях» об их содержании, но и на иных данных, в частности, на анализе лексического материала. Так, по наблюдениям Э.А. Грантовского, первый из приведенных Геродотом вариантов скифского генеалогического мифа (Herod. IV. 5–6) «имеет характер целостной фольклорной записи и должен рассматриваться как единый комплекс, в том числе по принадлежности упоминаемых имен к одному диалекту», поскольку они обнаруживают «правильное без исключений следование не нормализованной иранской, но диалектной норме»⁶. Если этот мифологический пассаж восходит к местному фольклору, то почему следует а priori исключать возможность подобного генезиса для сообщений «исторического» содержания, в частности тех, что повествуют о приходе скифов из Азии, скифо-киммерийском столкновении и проникновении обоих этих народов в страны Ближнего Востока?

Опровержение такого предположения С.Р. Тохтасьевым базируется, по существу, лишь на том, что «царские скифы сами себя считали автохтонами в этих степях (или хотели считаться таковыми)» (с. 19), а потому в их фольклоре не могло существовать подобного рассказа. Аргумент этот представляется донельзя рационализированным. Да, скифы и родственные им народы считали евразийские степи своей исконной землей, но это ни в малой степени не исключает возможности сохранения в их устной

---

³ Bolton J.D.P. *Aristeas of Proconessus*. Oxf., 1962; Пьянкова И.В. Рец.: Bolton J.D.P. *Aristeas of Proconessus* // ВДИ. 1967. № 4; Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. *От Скифии до Индии*. Изд. 2-е. М., 1983. С. 94–98.

⁴ Раевский Д.С. *Очерки идеологии скифо-сакских племен*. М., 1977. С. 137; *он же*. *Модель мира скифской культуры*. М., 1985. С. 50–52.

⁵ В противовес упомянутому предположению о местном эпосе как источнике сюжета борьбы киммерийских «царей» и «народа», к тому же отражающего, возможно, реальную индоиранскую сословно-кастовую стратификацию, С.Р. Тохтасьев выдвигает свою версию формирования этого сюжета в среде эллинов-тиритов (о его гипотезе относительно устной традиции тиритов как одного из источников формирования представлений о припонтийских киммерийцах см. ниже). Согласно этой версии, данный сюжет возник в результате слияния этической идеи о невозможности для аристократии покинуть родную землю и воспоминания о грабежах и разбое, которые претерпели от киммерийской «черни» предки колонистов-тиритов в своей метрополии. Он был привязан к древнему приднестровскому кургану. Подобное сопряжение интерпретации реального сооружения неизвестного происхождения, исторического воспоминания о событиях, происходивших на другом конце эллинской ойкумены, и социально-этических норм эллинской аристократии еще можно было бы предполагать для индивидуального морализующего творчества, но не для фольклорного сюжетообразования.

⁶ Грантовский Э.А., Раевский Д.С. *Об ираноязычном и «индоарийском» населении Северного Причерноморья в античную эпоху // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья*. Лингвистика, история, археология. М., 1984. С. 51.

традиции памяти о каких-то передвижениях в пределах этих степей. Привязка скифского генеалогического мифа к приднепровской Гилее (Herod. IV. 9) вовсе не означает, что сам этот миф непременно сложился именно на Нижнем Днепре, ибо мифология всегда адаптируется к изменению ареала обитания ее носителей. Так эллины, переселившись на Балканы, поселили своих богов на Олимпе, а жители Аттики стали вести свое происхождение от автохтона Кекропа.

Как бы то ни было, С.Р. Тохтасьев последовательно проводит мысль, что в основе зафиксированного Аристеем – Гекатеем (?) – Геродотом представления о киммерийцах как древнейших обитателях Северного Причерноморья лежат лишь предания местных колонистов. Таких «с несомненностью выделяющихся локальных традиций, прочно привязанных к памятникам и топонимам» и «констатирующих присутствие в этих местах киммерийцев и их уход в Азию под натиском скифов», по С.Р. Тохтасьеву, было по крайней мере две – боспорская и тиритская (с. 32). Существование на Боспоре «местной версии, согласно которой киммерийцы жили здесь и, очевидно, ушли в Азию именно отсюда», в самом деле доказывается наличием здесь разнообразных «киммерийских» топонимов (с. 30, см. также с. 38), бытовавших в местной греческой среде на протяжении столетий. В этой связи стоит напомнить о близости Боспора к тем областям Предкавказья, куда, согласно Диодору, ранее всего проникли скифы в своем движении с востока и где они и могли столкнуться с киммерийцами, если признавать наличие в этом рассказе исторического ядра⁷.

Гораздо меньше подкреплена мысль о параллельном бытовании на другом конце северопонтийского побережья «предания тиритов», которое С.Р. Тохтасьев к тому же определяет как «отправную точку у Геродота» (там же). Основанием для нее служит лишь упоминание «отцом истории» могилы киммерийских царей у реки Тираса, которая «еще и теперь видна» (Herod. IV. 11). В отличие от «киммерийской топонимии» Боспора, это сообщение единично и к тому же не вполне согласуется с остальным содержанием предания о киммерийско-скифском конфликте: многократно отмечалось, что локализация киммерийцев на Днестре приводит к тому, что этот народ оказывается убегающим от скифов навстречу своим преследователям. Не исключено поэтому, что подобное толкование какого-то приднепровского кургана, если такой существовал, как и вообще локализации киммерийцев в низовьях Днестра, принадлежит самому Геродоту или его эллинскому источнику. Двое из авторов настоящей работы уже высказывали мысль, что представление греков о занимаемой некогда киммерийцами территории базировалось на понимании их как прежних обитателей всей нынешней Скифии⁸. В таком случае трактовка могилы на Днестре как киммерийской была призвана маркировать в их глазах наряду с восточным – боспорским – рубежом этой земли также и рубеж западный, хотя возможны и иные объяснения.

Какой же видит С.Р. Тохтасьев историю формирования этих преданий? Сложилось они, как полагает автор, не без влияния гомеровского свидетельства; в частности, выселяющимся на северный берег Понта колонистам «мог быть дан оракул, в котором присутствовало бы ...сближение киммерийцев Гомера и орды, как раз в это время бесчинствующей в Малой Азии или только что замирившейся Алиаттом. Гомеровские аллюзии в оракулах – обычнейшее дело» (с. 39). Вместе с тем С.Р. Тохтасьев считает, что «гомеровское упоминание не могло быть ни основным, ни, тем более, единственным источником представлений северопонтийских греков об этих областях как былой родине киммерийцев» (с. 41–42).

Главным же побудительным мотивом для формирования такого представления он

---

⁷ Впрочем, мысль о том, что «киммерийская» топонимика Боспора – продукт в основном эллинского мира, неоднократно высказывалась и ранее. Так, И.М. Дьяконов полагал, что большинство названий такого рода «могли быть даны... по имени пролива» (История Мидии. М.–Л., 1956. С. 230). Вопрос о том, что же побудило греков именно так назвать Керченский пролив, т.е. положить начало существованию здесь серии «киммерийских» названий.

⁸ *Погребова М.Н., Раевский Д.С.* Ранние скифы и древний Восток. М., 1992. С. 48 сл.

считает «начавшую складываться, вероятно, еще в метрополии версию о тесной связи между появлением в Азии киммерийцев и скифов и даже о "преследовании" одних другими» (с. 42). В свою очередь за этой версией просматривается, по С.Р. Тохтасьеву, «историческая основа: скифы пришли в Азию, следуя за киммерийцами – деталь, которая, судя по всему, присутствовала и у Аристия и, очевидно, восходит не к результатам Ιστορίη, а к фольклорному источнику, отражая в трансформированном виде факт значительно более позднего, по сравнению с киммерийцами, появления скифов (если не в Закавказье, то, по крайней мере, на востоке Малой Азии) ... Вполне возможно, уже в народной исторической памяти оба события по законам фольклорной поэтики оказались поставлены в причинно-следственную связь. Настойчиво повторяемое Геродотом утверждение, что скифы именно преследовали киммерийцев, не имеет у него какого-либо рационального обоснования – киммерийцы не причинили скифам никакого зла... – и скорее всего является рудиментарным мотивом, происходящим из исторических преданий, в которых, вероятно, говорилось о причинах вражды. Ясно, что, вытеснив киммерийцев, скифы заняли их страну, лежавшую где-то на севере. Конкретная локализация стала возможна после того, как греки начали колонизировать Северное и Северо-Западное Причерноморье, очевидно, киммерийцы пришли из тех мест, которые к этому времени были заняты скифами» (с. 43–44).

Мы просим у читателей извинения за столь длинную цитату, но в этих рассуждениях С.Р. Тохтасьева нам представляются очень существенными как справедливые, на наш взгляд, наблюдения, так и неточности, пусть даже мелкие. При анализе этой реконструкции по-прежнему остается непонятным главное: что же в конечном итоге побуждает к ее созданию, к сомнениям в истинности основного содержания традиции? Мы полностью согласны с мнением исследователя об откровенно фольклорном характере рассматриваемого повествования. Но представляется достаточно сомнительным, чтобы версия о преследовании киммерийцев скифами могла возникнуть в эллинском фольклорном сюжете в результате «значительно (sic!) более позднего» появления в поле зрения греков второго из этих народов. Реальная временная протяженность событий может в фольклоре «сжиматься», но весьма маловероятно, чтобы воображаемая причинно-следственная связь между разновременными событиями могла послужить главным сюжетообразующим стержнем всего повествования, если она фактически ничем подкреплена не была.

И здесь опять возникает вопрос, почему, признавая фольклорные истоки рассматриваемой версии интересующих нас событий, их следует искать исключительно в устной традиции припонтийских греков? Такая трактовка предполагает чрезвычайно изощренную их работу по синтезированию целостного сюжета из разновременных, разнородных и по-разному становившихся известными грекам событий – от уже упоминавшегося продвижения скифов «из Азии», до тех, что содержались, согласно приведенному мнению К. Мюлленхоффа, исключительно в мидийской традиции или вообще непонятно как попали в сферу внимания эллинского общества⁹. Зато допущение, что основная сюжетная канва восходит к собственно скифским преданиям, снимает все эти недоумения. О том, как выглядит при таком подходе история слияния Геродотовой версии скифо-киммерийского конфликта, авторам данной статьи уже приходилось писать – в том числе в работе¹⁰, которую, как отмечают авторы рецензируемой книги (с. 8), они не успели использовать. Приходится поэтому по необходимости кратко изложить наше понимание проблемы.

---

⁹ Так, С.Р. Тохтасьев (с. 43–44, прим. 68) рассматривает как «улику», свидетельствующую, что «Геродот элиминирует не укладывающийся в его схему материал», упоминание о скифском царе Протогии – вполне реальном историческом лице, о котором сообщает один ассирийский текст. При этом вообще не ставится вопрос, откуда Геродот мог почерпнуть данные об этом царе и о его генеалогической связи с главным героем Геродотовой версии переднеазиатской эпопеи скифов Мадием. Припонтийские колонии возникали позже, арена действий Протогии находилась далеко от малоазийских эллинских городов. Или это – тоже «мидийский след» в греческой традиции?

¹⁰ Погребова, Раевский. Ук. соч.

Согласно этой трактовке, частное локальное столкновение двух близкородственных или, во всяком случае, практически однокультурных народов, имевшее место в степях к северу от Кавказа, в скифской фольклорной обработке было гиперболизировано и интерпретировано как «тотальный конфликт, предопределивший все дальнейшие судьбы "скифского мира" и в этом плане сопоставимый с такими ключевыми эпическими темами, как противостояние Ирана и Турана, Пандавов и Кауравов, ахейцев и Трои»¹¹. Более или менее синхронное этому конфликту или последовавшее за ним проникновение киммерийцев и скифов в Переднюю Азию легко подверстывалось к этой саге, создавая достаточно целостное эпическое повествование о героическом прошлом скифского народа, каковым оно и предстает в пересказе Геродота, да и в иных версиях – у Диодора и даже в кратком Геродотовом изложении Аристее. Такое героическое сказание о прошлом скифов вполне уместно в собственно скифской традиции, но выглядит весьма неожиданным, если трактовать его как плод творчества греков-колонистов.

Что в самом деле могли внести в это повествование греки (Геродот или его предшественники), так это представление о театре описываемых событий, согласовав его с реальными *для их эпохи* границами зоны обитания скифов. Таким образом киммерийцы в их глазах превратились в обитателей всего Северного Причерноморья от Тираса до Боспора. Это уточнение продиктовано необходимостью логичного согласования всей совокупности как нарративных, так и археологических данных, но признание его необходимости отнюдь не тождественно полному отрицанию исторической связи данного народа с северопонтийским (или вообще восточноевропейским) регионом.

Поколебал ли обстоятельный анализ античной традиции о киммерийцах, осуществленный С.Р. Тохтасьевым, основные положения изложенной реконструкции? Оснований для этого мы не обнаруживаем, поскольку гиперкритическая оценка указанной традиции априорна и не представляется нам достаточно мотивированной этим анализом, а бремя доказательства лежит, как известно, на обвиняющей стороне.

Где же ищет реальных киммерийцев сам С.Р. Тохтасьев? При решении этого вопроса он вновь обращается к их упоминанию в «Одиссее» и принимает мнение исследователей, видевших в соответствующем пассаже Гомера реминисценцию какой-то весьма ранней версии «Аргонавтики», которая «родилась из рассказов о плаваниях в Понт задолго до его колонизации» (с. 47). Таким образом, автор все же возвращается в своих изысканиях на берега Черного моря, но оговаривается, что «данные "Одиссеи" могут указывать на местообитание киммерийцев именно в Северном Причерноморье лишь в сопоставлении их с позднейшей традицией», каковой он, как мы убедились, настойчиво отказывает в достоверности, «а также при условии, что локализация в другом районе Причерноморья исключена» (с. 49).

И тут С.Р. Тохтасьев, на протяжении всей работы демонстрирующий сугубый критицизм, внезапно полностью его утрачивает. Отмечая, что «если занимающее нас гомеровское свидетельство действительно происходит из "Аргонавтики", это помещает киммерийцев в колхидский контекст», он сопоставляет его с упоминанием в ассирийском тексте эпохи Саргона II «страны киммерийцев» – KUR Gamir(ra), для которой, по мнению автора, «локализация в удобной для кочевников области Гори не носит обязательного характера, хотя и вполне вероятна. Не менее подходящее место – собственно колхидский регион» (с. 49). С.Р. Тохтасьев считает, что такое предположение подкрепляется археологическими данными о военном разгроме ряда колхидских поселений в конце VIII – начале VII в. до н.э., соотносимом некоторым исследователями с киммерийцами, и фактом прекращения упоминаний названия Qulḫa в урартских источниках после середины VIII в. Из всего этого делается вывод, сформулированный, правда, достаточно осторожно: «Нельзя, как кажется, исключить возможность того, что в "Одиссее" отразился исторический факт пребывания

¹¹ Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. М., 1985. С. 53.

киммерийцев где-то вблизи Колхиды или непосредственно на ее территории в VIII в.» (с. 50).

Можно ли считать эту гипотезу более обоснованной, чем та, что строится на доверии к основным положениям античной традиции о северопонтийских киммерийцах? Вопреки категорическому утверждению С.Р. Тохтасьева, что «из ассирийских источников известно, что киммерийцы до вторжения в Малую Азию некоторое время обитали в Закавказье» (с. 31) и что, «если сведения о северопричерноморской локализации, содержащиеся в античной историко-географической традиции, не могут считаться достаточно надежными, то ассирийские данные... о "стране киммерийцев" ...напротив, не вызывают сомнений» (с. 49), ситуация далеко не столь однозначна. Никакая точная локализация ни «страны киммерийцев», ни соседствующей с ней страны Гурианиа по ассирийским данным невозможна, и попытка обосновать помещение страны Гамир в Закавказье достаточно уязвима, о чем подробно говорилось в статье о книге А.И. Иванчика¹².

Там же оценивалась весомость и другого привлекаемого С.Р. Тохтасьевым аргумента: кем именно были разрушены поселения в Колхиде, недостаточно ясно. Соотнесение этого разгрома, как и падения царства Кулха, с киммерийцами в значительной мере умозрительно и покоится в основном на сведениях о совершившихся в это время киммерийских походах в Переднюю Азию. Но даже если киммерийцы и прошли здесь огнем и мечом, то следует вспомнить, что в «Одиссее», побуждающей автора строить рассматриваемую аргументацию, речь идет не о прошедших через эти земли завоевателях, а о живущем там киммерийском «народе» и о его «городе». На обитателей страны указывает и хороним из надписи Саргона.

Прибегая к археологическим аргументам в поддержку гипотезы о колхидской локализации киммерийцев, следует поэтому искать здесь не столько следы учиненного ими разгрома, сколько доказательства более или менее длительного обитания определенной группы, в культурном отношении существенно отличавшейся от остального населения Колхиды: ведь сам С.Р. Тохтасев характеризует киммерийцев как народ, принадлежащий «к одному культурному кругу» со скифами (с. 44), а о формировании культур этого круга собственно в Закавказье, естественно, не может быть и речь. Значит, даже если принять тезис С.Р. Тохтасьева и его предшественников о локализации страны Гамир в этом регионе, следует исходить из того, что этот народ был здесь пришельцем. Но С.Р. Тохтасев, потратив много сил на опровержение представлений античного мира о киммерийцах как обитателях Северного Причерноморья, попросту обошел молчанием естественно возникающий при этом вопрос о реальной первоначальной территории их обитания, сосредоточив все внимание на «промежуточной станции» их движения.

Здесь мы вплотную подходим к вопросу о том, памятники материальной культуры какого типа могут быть сколько-нибудь обоснованно соотнесены с киммерийцами, т.е. к содержанию второй части книги.

Этот раздел монографии открывается краткой характеристикой позиций различных исследователей при идентификации тех или иных археологических памятников с культурой исторических киммерийцев. Авторы отмечают «поразительную стабильность исследовательской направленности», которая выражается в том, что «археологи опираются прежде всего на версию Геродота, извлекая из нее ту часть информации, которая представляется им позитивной, аксиоматичной, исторически доказуемой даже в мельчайших деталях» (с. 51). По их мнению, это и породило три «предпосылки» исследовательской трактовки:

«Первая: киммерийцы были единственными обитателями Причерноморья в период, предшествующий появлению там скифов. Следовательно, реальные свидетельства их материальной культуры должны быть едины на всем пространстве южнорусских степей. Вторая: киммерийцы являлись исконными обитателями этой

¹² Грантовский, Погребова, Раевский. Ук. соч.

территории; отсюда проистекала необходимость отыскать истоки этой культуры в местных памятниках эпохи бронзы. Третья: культура киммерийцев должна хоть в чем-то отличаться от культуры скифов, и эти отличия должны быть зафиксированы в археологическом материале». Согласно авторам монографии, это приводило к парадоксальной ситуации, когда археологи при решении собственных задач находились «в жестком плену интерпретаций письменных источников», подчиняя их диктату трактовку самого археологического материала (там же).

Сразу отметим, что, если первые две «предпосылки» действительно могут быть связаны с трактовкой версии Геродота (мнение о широком распространении киммерийцев может быть обосновано сообщением Геродота о захвате скифами земли, принадлежавшей ранее киммерийцам, и упоминаниями о их пребывании у Тираса и на Боспоре; тезис же об исконности логически мог возникнуть из представления о киммерийцах как предшественниках скифов), то третья порождена не столько версией Геродота, сколько теорией и практикой археологических исследований – представлением о соотношении археологической культуры и этноса. В целом же нарисованная авторами картина истории изучения киммерийской проблемы в ее археологическом аспекте кажется излишне схематичной, а порой и не соответствующей фактам.

Прежде всего отметим, что, поскольку в среде самих филологов-классиков и историков существовали разные трактовки античной традиции (среди них, как отмечено С.Р. Тохтасьевым, в самом деле преобладало мнение о ее исторической достоверности – см. с. 18), археологи не просто принимали эту традицию как аксиому, а выбирали одну из ее трактовок, в значительной мере руководствуясь при этом своим пониманием собственно археологического материала, а отчасти и корректируя этим материалом саму традицию.

Еще до В.А. Городцова, которому авторы отводят роль создателя «теоретического и методологического подхода к археологическому изучению "киммерийской проблемы" в отечественной науке» (с. 51), Д.Я. Самоквасов, разрабатывая периодизацию древностей юга России, назвал предшествующий скифскому периоду каменно-бронзового века киммерийским, конечно, под влиянием свидетельства Геродота. Но сам исследователь подчеркивал условность такого наименования, говоря, что подобные термины «имеют только историческое, а не этнографическое значение», поскольку древности соответствующего периода принадлежат «народам, имена и быт которых совершенно неизвестны по дошедшим до нас письменным памятникам», т.е. не ограничивал доскифское население этого региона киммерийцами. Связывая с киммерийской эпохой памятники каменно-бронзового века, он отмечал, что они уходят вглубь времен (что в дальнейшем привело к формированию представления об исконности киммерийцев здесь), и вместе с тем – их отличие от скифских¹³. Здесь-то – в особенностях археологического материала (хотя, конечно, не без влияния античной традиции) – и коренятся два из критикуемых авторами постулатов: об исконности киммерийцев в Восточной Европе и об отличии их культуры от скифской.

Что касается В.А. Городцова, чья исходная позиция, по словам авторов рецензируемой книги, «базируется на неуклонном следовании версии античных источников» и к чьим трудам, по их мнению, восходят названные «предпосылки» (там же), то в той его работе, где впервые много внимания уделено киммерийской проблеме, высказывалось предположение о близости киммерийских и скифских памятников: «Киммерийские памятники, если только они имеются в наших собраниях, скрываются в одной массе со скифскими»¹⁴. Опираясь в самом деле прежде всего на трактовку письменных данных – как античных, так и восточных, – порой смешивающих два названных народа, тезис этот имел в глазах автора и археологическое обоснование: на взгляды В.А. Городцова, видимо, оказала влияние разработанная им же схема

¹³ Самоквасов Д.Я. Основания хронологической классификации могильных древностей Европейской части России. Варшава, 1892. С. XVI.

¹⁴ Городцов В.А. Бытовая археология. Курс лекций. М., 1910. С. 344.

последовательной смены культур бронзового века на юге России, ибо в этом свете было очевидно явное отличие скифских памятников от древностей последней из этих культур – срубной. В то же время такое понимание диаметрально противоположно третьей из упомянутых «предпосылок». В.А. Городцов даже вслед за Г. Раулинсоном¹⁵ допускал приход киммерийцев из Средней Азии, о чем в античной традиции нет ни слова и что не соответствует второй «предпосылке». Наконец, частично расходясь с первой «предпосылкой», он допускал, что в доскифское время на юге Восточной Европы помимо киммерийцев могли обитать и иные народы¹⁶. Вместе с тем при практическом поиске собственно киммерийских древностей он в самом деле руководствовался представлением о широком распространении этого народа в степях Северного Причерноморья – «от устья Кубани до устья Днестра, возможно, Дуная» и приписывал ему, в частности, чернолощеную керамику с инкрустацией, отметив, что она появляется в Европе к началу I тыс. до н.э., а это совпадает с временем пребывания киммерийцев на юге России¹⁷.

В более поздней работе, уже специально посвященной киммерийской проблеме, В.А. Городцов в основном следовал сформулированным ранее положениям. Он признавал расселение киммерийцев на обширной территории, хотя и приводил мнения тех исследователей, которые предполагали более узкие его границы. Сам же он, придерживаясь представления о расселении киммерийцев от Дуная до Кубани, уточнял северную границу их ареала (по линии устье Дуная – Кишинев – Киев – Харьков – Новочеркасск – Краснодар – Новороссийск), исходя из распространения некоторых бронзовых изделий, т.е. по чисто археологическому критерию, и отмечал, что эта территория совпадает с областью расселения скифов и савроматов, изгнавших киммерийцев. При этом для подтверждения своей концепции В.А. Городцов привлекал современные ему изыскания лингвистов. С высказанным им ранее мнением о возможности присутствия в Восточной Европе наряду с киммерийцами и иных синхронных им этносов в известной мере перекликается тот факт, что он назвал киммерийцев древнейшим лишь из всех *известных нам* народов этого региона¹⁸. Правда, если принимать предложенные им границы расселения самих киммерийцев, не вполне понятно, какая же территория остается на долю этих народов.

Относительно происхождения киммерийцев В.А. Городцов по-прежнему придерживался мнения об их пришлом характере. В этой работе он не акцентировал внимания на близости скифской и киммерийской культур, но, как и раньше, говорил о принадлежности киммерийцам чернолощенной керамики с инкрустацией и приписал им два конкретных погребения, в то время считавшиеся скифскими, а также материалы из некоторых зольников Бельского городища¹⁹.

Более поздние археологические работы по киммерийской проблеме, опираясь на более обширный материал, в целом следуют тем же методическим принципам, во многом расходящимся со сформулированными в рецензируемой работе «предпосылками». В частности, отнюдь не стабильно господствующим было понимание киммерийцев как единственных обитателей региона. Так, в работах Б.Н. Гракова, А.А. Иессена и других исследователей выдвигался тезис о достаточно длительном сосуществовании в Восточной Европе киммерийцев и скифов²⁰.

¹⁵ Rawlinson G. On the Cimmericians of Herodotus and the Migrations of the Cymric Race. History of Herodotus. L., 1862. III. P. 150–156; Брун Ф. О киммериянах Геродота и о переселении кимрского племени // ЗООИД. 1868. VII. С. 235 с.

¹⁶ Городцов. Ук. соч. С. 344.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Городцов В.А. К вопросу о киммерийской культуре // Труды секции археологии РАН ИОН. Вып. II. М., 1928.

¹⁹ Там же. С. 59.

²⁰ Граков Б. Скифы. Київ, 1947, С. 13, 18; он же. Скифы. М., 1971. С. 23 сл.; он же. Ранний железный век. М., 1977. С. 153 сл.; Иессен А.А. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н.э. на юге Европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.) // СА. 1953. XVIII. С. 109 сл.; он же. Некоторые памятники VIII–VII вв. до н.э. на Северном Кавказе // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954. С. 130.

Зато А.И. Тереножкин в самом деле выступил убежденным сторонником первой из названных «предпосылок», видя в киммерийцах единственных обитателей степного Причерноморья предскифской эпохи. Правда, границы распространения киммерийских древностей, т.е. черноговорских и новочеркасских комплексов, он определял по чисто археологическим основаниям, при этом, вступая в прямое противоречие с античной традицией, ибо включал в киммерийский ареал и Нижнее Поволжье. Он также констатировал древность пребывания киммерийцев в Восточной Европе, основываясь на выводе о генетической связи создателей названных комплексов с племенами срубной культуры²¹.

Именно такой ход рассуждений – от выявления археологическими методами генетической связи между предскифскими древностями и более ранними культурами позднебронзового века к признанию «исконности» киммерийцев в Восточной Европе – являлся в отечественной науке доминирующим – при всем различии конкретных интерпретаций²². Точно так же исследователи, приписывавшие киммерийцам катакомбную культуру, руководствовались тем, что она непосредственно предшествовала культуре срубной, интерпретируемой ими как скифская²³. Всеми этими авторами двигало их понимание археологического материала, а не следование «предпосылке», априорно привнесенной в археологию из письменных данных.

Что касается третьей «предпосылки», якобы господствующей в работах по киммерийской проблеме, – об обязательности хоть какого-то отличия киммерийской культуры от скифской, – то в этом вопросе спектр мнений исследователей достаточно широк. Здесь прослеживаются два противоположных друг другу по смыслу, но в равной мере базирующихся на письменных данных суждения. Первое – высказанный, как мы видели, еще В.А. Городцовым тезис о близости, если не идентичности, культур киммерийцев и скифов, развиваемый в работах Б.Н. Гракова, А.А. Иессена²⁴ и в посмертной монографии М.И. Артамонова²⁵. В значительной мере он был порожден сопоставлением данных Гомера и Гесиода о «млекоедах» и в свою очередь явился базой для сложения представления о сосуществовании киммерийцев и скифов в припонтийских степях. По мере накопления материалов в рамках такого понимания возникла и тенденция к выявлению и определенной культурной специфики каждого из этих народов²⁶.

Параллельно существовало представление о радикальном несходстве скифской и киммерийской культур. Особенно последовательно эту мысль развивал А.И. Тереножкин, опираясь на свидетельство Геродота о приходе скифов из Азии и вывода их из центральноазиатского региона. Впрочем, у его последователей уже нет столь

²¹ Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976. Passim.

²² Граков. Ранний железный век. С. 120–129, 140 сл.; Лесков А.М. Предскифский период в степях Северного Причерноморья // Проблемы скифской археологии. М., 1971. С. 77–84, 87–89; он же. Предскифский период на юге Украины: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1975. С. 32 сл.; Отрощенко В.В. Белозерская культура // Березанская С.С. и др. Культура эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1986. С. 152; Черняков И.Т. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н.э. Киев, 1985. С. 145–150; Ванчугов В.П. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1990. С. 123–141.

²³ Артамонов М.И. К вопросу о происхождении скифов // ВДИ. 1950. № 2; Попова Т.В. Племена катакомбной культуры. М., 1955. С. 175 сл.; Граков. Ранний железный век. С. 154.

²⁴ Граков. Скифы. С. 13, 18; он же. Ранний железный век. С. 151–154; Иессен. К вопросу... С. 109.

²⁵ Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы. Л., 1974. С. 22. Противопоставляя катакомбную культуру, приписываемую киммерийцам, срубной культуре предков скифов, автор здесь специально отмечает, что со временем культуры этих народов настолько сблизились, что «распознавание археологических памятников той и другой стало почти невозможным».

²⁶ Лесков. Предскифский период на юге Украины. С. 43–44; Членова Н.Л. Оленные камни как исторический источник. Новосибирск, 1984. С. 31–42; Белозор В.П. Оленные камни в свете проблем предскифского периода Северного Причерноморья // Проблемы археологии степной Евразии. Тез. докл. Ч. II. Кемерово, 1987. С. 7 сл.

категоричного противопоставления «культуры кочевников-киммерийцев и культуры номадов, появившихся в европейских степях в VII в. до н.э.»²⁷.

Мы предприняли этот обширный историографический экскурс с целью показать, что оценка А.Ю. Алексеевым и Н.К. Качаловой существующих в отечественной археологии подходов к киммерийской проблеме схематична и излишне жестка. Собственное методическое кредо авторы формулируют так: «Моделирование этнической истории, с одной стороны, и решение проблем, доступных только археологии, с другой, должно быть строго разграничено, не взаимозаменяемо и может быть соединено лишь в конечных результатах» (с. 58). Теоретически возразить против такого подхода трудно. Но что такое – искомые «конечные результаты»? Выше мы постарались показать, что способ соотнесения письменных и археологических данных по киммерийской проблеме на каждой стадии ее разработки определялся уровнем достигнутых знаний в обеих сопоставляемых областях науки, причем влияние их друг на друга было взаимным, а концепции рождались не из априорного предпочтения, отдаваемого одной из категорий источников, а из их соотнесения. На каком же этапе этого непрерывного процесса можно считать правомочным сопоставление конечных результатов?²⁸

Что же следует из проведенного в рецензируемой монографии анализа истории вопроса и современного состояния археологического аспекта киммерийской проблемы? Поставив перед собой задачу «представить, каковы в настоящее время археологические реалии, вне зависимости от этнической принадлежности памятников, которые принято считать киммерийскими» (с. 53), и детально рассмотрев обширный археологический материал, авторы приходят к выводу о несоответствии современного понимания этого материала двум из трех рассмотренных выше «предпосылок» – о единстве культуры на всем пространстве восточноевропейских степей в доскифское время и о полной генетической преемственности культур на этой территории с глубокой древности, т.е. к отрицанию понимания киммерийцев как «единственного и коренного этноса» в южнорусских степях доскифской эпохи (с. 91). Однако это – опровержение всего лишь *схемы*, выстроенной самими авторами на основе анализа некоторых тенденций, в самом деле представленных (но отнюдь не безраздельно господствующих) в отечественной археологии, а не доказательство несостоятельности *всех* выдвигавшихся при разработке киммерийской проблемы положений и тем более – полной достоверности самой античной традиции о пребывании киммерийцев на юге Восточной Европы.

Первый из приведенных выводов не вызывает возражения, ибо культурная неоднородность восточноевропейских степей в черноморско-новочеркасское время археологически теперь подтверждена достаточно основательно. Но выше мы пытались показать, что и при трактовке свидетельств Геродота о киммерийцах

---

²⁷ Клочко В.И., Мурзин В.Ю. О взаимодействии местных и привнесенных элементов скифской культуры // Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987. С. 15; см. также Мурзин В.Ю. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев, 1990. С. 19–24. Мы не можем здесь подробно анализировать новейшие работы, посвященные соотношению «предскифских» памятников Восточной Европы и этнических киммерийцев и содержащие много ценных наблюдений (см. исследования С.Л. Дударева, С.В. Махортых и др.).

²⁸ Противопоставление при разработке киммерийско-скифской тематики «продуктивного» чисто археологического подхода к материалу «порочной» зависимости от письменных источников находит определенную поддержку в новейших работах, к примеру, в монографии В.Р. Эрлиха «У истоков раннескифского комплекса» (М., 1994). В ней также недостаточно учитывается указанный диалектический характер взаимодействия данных разной природы. В какой мере справедливо, например, утверждение, что над А.А. Иессеном – по В.Р. Эрлиху, наиболее последовательным представителям первого направления – «не довлеют никакие заранее заданные нарративными источниками представления» (с. 6), если этот исследователь при толковании археологического материала изначально исходит из тезисов об обитании в изучаемом регионе киммерийцев и скифов, об определенной синхронности их здесь пребывания и об их принадлежности к одному культурно-хозяйственному типу, т.е. из сведений, почерпнутых в письменной традиции?

понимание их как единственных обитателей всего Северного Причерноморья в доскифскую эпоху весьма уязвимо. Не случайно многие из упомянутых выше археологов признавали факт соседства здесь киммерийцев с иными народами. В связи с этим двое из авторов настоящей работы в свое время выразили скептицизм по поводу надежды А.А. Иессена на то, что со временем, по мере накопления данных о распределении разнотипных памятников, появится возможность «выделить среди памятников VIII–VII вв. и более раннего времени собственно киммерийские»²⁹, поскольку мы не располагаем достоверными сведениями о границах зоны обитания киммерийцев и вообще об аутентичном содержании этого этнонима³⁰. Поэтому мы согласны с авторами рассматриваемой монографии, что в равной мере нельзя ни отрицать связь черноговорских (добавим: и новочеркасских) памятников с киммерийцами, ни утверждать их принадлежность исключительно этому народу (с. 74). Но демонстрируя ограниченность возможностей сопоставления археологических и письменных данных, это обстоятельство само по себе не опровергает достоверности последних, а лишь указывает на их характер.

Далеко не столь однозначно приходится оценить второй сформулированный авторами монографии вывод – об отсутствии генетической связи между восточно-европейскими памятниками предскифского периода и здешними культурами бронзового века (с. 68 сл.). Прежде всего, прямого отношения к проблеме толкования античных свидетельств о киммерийцах в Причерноморье и к оценке их исторической достоверности этот вопрос не имеет, ибо античные авторы ничего не говорят об «исконности» киммерийского населения в этом регионе, а лишь констатируют его пребывание здесь в определенный исторический период – накануне появления скифов. Представление о глубоких местных корнях этого народа формировалось у исследователей постепенно, по мере все более детального изучения археологических данных.

Что касается собственно археологических доказательств этого тезиса, то в их оценке авторы рассматриваемой книги не вполне последовательны. С одной стороны, они отмечают недостаточную разработанность этого вопроса – отсутствие «дифференцированного подсчета соотношения обрядовых групп, типов керамики и категорий инвентаря» (с. 69), а значит, сам их вывод – скорее предположение, еще требующее проверки, чем доказанный факт. При этом отмеченная неоднородность черноговорских памятников требует, конечно, дифференцированного анализа каждого из локальных вариантов. С другой стороны, авторы весьма категоричны в своем отрицании указанной генетической связи именно исходя из отсутствия «единой основы» (с. 70) формирования черноговорского комплекса на всей территории его распространения.

Нужно отметить, что вырисовывающаяся в ходе детальной разработки данной темы картина отнюдь не подтверждает этого категоричного суждения. Так, наблюдения О.Р. Дубовской относительно формирования инвентарного набора черноговорского комплекса показали, что 47% представленных в нем типов вещей восходят к белозерской или «позднесрубной» культуре³¹. Стоит специально подчеркнуть, что в это число входят и некоторые категории вооружения и конского снаряжения, относительно которых, по мнению авторов рецензируемой монографии, «общеизвестно»: что они «не находят себе прототипов в предшествующем времени» (с. 69). Впрочем, будь даже так, это тоже не могло бы служить решающим аргументом, если принять во внимание приходящийся на это время перелом в хозяйственной, социальной и культурной (в том числе технологической) сфере. Последнее в равной мере относится к погребальному обряду, в котором прослеживается отмирание ряда старых традиций: прекращение сооружения грунтовых могильников и курганов с

²⁹ Иессен. К вопросу о памятниках... С. 109 сл.

³⁰ Погребови, Раевский. Ук. соч. С. 174.

³¹ Дубовская О.Р. Вопросы сложения инвентарного комплекса черноговорской культуры // Археологический альманах. № 2. Донецк, 1993.

заменой их впускными погребениями в курганы предшествующих эпох, исчезновение гробниц сложной конструкции и т.п. Вместе с тем в западных зонах черноговоровского ареала наиболее массово представленные признаки погребального обряда (положение костяка и его ориентировка) явно демонстрируют сочетание новых элементов с традициями белозерской культуры, а в восточных – отсутствие необходимых данных по эпохе поздней бронзы не дает пока возможности осуществить подобное сравнение³².

Для исследователей, ставящих под сомнение связь с киммерийцами древностей черноговорско-новочеркасского круга, постоянно – в том числе и в рецензируемой работе (с. 76) – важнейшим аргументом служит факт практически полного их отсутствия в районах к югу от Кавказского хребта. Но, как уже приходилось замечать, не исключена возможность и иного объяснения этого обстоятельства: первые стремительные набеги кочевников в Переднюю Азию – в отличие от более поздних и несколько иных по характеру походов, связанных, судя и по восточным, и по античным свидетельствам, с достаточно длительным их там пребыванием, – могли попросту не оставить на Ближнем Востоке археологических следов³³. В то же время неоднократно отмечалось значение в этом контексте находок переднеазиатских изделий в новочеркасских комплексах Северного Причерноморья и Предкавказья, так или иначе свидетельствующих о походах обитателей этого региона за Кавказский хребет³⁴, хотя авторы монографии полагают, что «подобная аргументация вряд ли может считаться достаточной», чтобы признать «реальность пребывания причерноморских "киммерийцев" в Передней Азии» (с. 81). Из сказанного, впрочем, не следует, что сами мы всю совокупность черноговорско-новочеркасских памятников на этом основании склонны приписать именно киммерийцам.

Резюмируем сказанное. Мы в целом согласны с итоговой оценкой авторами той ситуации, которая сложилась в сфере исследования киммерийской проблемы по археологическим данным: «Следует признать, что в настоящее время в степной зоне

³² Она же. Локальные зоны черноговоровской культуры (по материалам скорченных погребений) // РА. 1994. № 2. Ср. с данными по белозерской культуре в работах: *Отроценко*. Ук. соч.; *Ванчугов*. Ук. соч.

³³ *Позребова, Раевский*. Ук. соч. С. 183. Парадоксальное отношение к возможности такого объяснения демонстрирует в одной из своих работ С.Р. Тохтасьев. С одной стороны, он прямо утверждает, что из самого факта отсутствия в Передней Азии находок новочеркасского типа «однозначно вытекает несостоятельность» признания их киммерийскими (*Тохтасьев С.Р.* К хронологии и этнической атрибуции памятников скифского типа на Ближнем Востоке и в Малой Азии // СА. 1993. № 2. С. 90) и, следуя той же логике, полагает возможным датировать наиболее ранние древности скифского облика к югу от Кавказа, считая их киммерийскими, по древнейшим свидетельствам о пребывании там киммерийцев (там же, с. 92). С другой же стороны, отсутствие в Передней Азии более поздних скифских древностей, по его мнению, само по себе не опровергает письменных данных о продолжающемся присутствии там скифов, поскольку «стремительные рейды скифов и не должны были оставлять существенных материальных следов» (там же, с. 96). Почему же в таком случае подобная ситуация не допускается для предшествующего этапа? Недавно И.М. Дьяконов (Киммерийцы и скифы на древнем Востоке // СА. 1994. № 1. С. 113) резко выступил против выдвинутого в этой связи тезиса о возможности для кочевников разорять города в ходе кратких грабительских рейдов. Между тем тезис этот прямо опирается на данную Геродотом (I.6) характеристику одного из походов киммерийцев – их вторжения в Ионию, – который, по его словам, не привел к утрате ионийцами независимости, поскольку имел целью «не покорение городов, но набег ради грабежа» (οὐ καταστροφῆ ἐγένετο τῶν πόλεω, ἀλλ' ἐξ ἐπιδρομῆς ἀρπαγῆ).

С.Р. Тохтасьев в рецензируемой книге (с. 11) одно слово оригинала катастрофῆ переводит двумя русскими: «захват и подчинение»; каждое из них, конечно, формально правомерно, но вместе они создают отсутствующую в источнике впечатление «многокомпонентности» описываемого действия, что в известной мере нейтрализует важную для повествователя антитезу: осуществить грабеж без захвата невозможно, а вот подчинение, очевидно, в самом деле не входило в намерения киммерийцев. Что касается принципиальной возможности штурма города кочевниками, в том числе в ходе достаточно стремительных рейдов, то «тому в истории мы тьму примеров слышим». Чем по сути, как не подобным рейдом, был первоначально поход Батыя на Русь в 1237–1240 гг.? Это уже потом его политическим следствием стало установление ига.

³⁴ См. об этом в работах В.Р. Эрлиха, С.Л. Дударева, С.В. Махортых и др.

Восточной Европы не известно ни одной археологической культуры или группы памятников, которые могли бы однозначно толковаться как "киммерийские"» (с. 75). Однако объясняется эта ситуация, на наш взгляд, спецификой той письменной информации, на основе которой осуществляется этническая атрибуция археологических комплексов, ее ограниченностью, а не полной недоуверенностью³⁵.

Но, как и С.Р. Тохтасьев, А.Ю. Алексеев и Н.К. Качалова резко меняют собственные методические установки при обращении к вопросу о киммерийцах в Передней Азии. В этом вопросе, по их мнению, существует достаточная определенность: «Все, что известно о хронологии и передислокациях киммерийцев в Передней Азии предполагает одно заключение: находки кочевнического типа второй четверти – середины VII в. до н.э. в Малой Азии и в ионийских городах побережья могут считаться киммерийскими, поскольку о присутствии здесь в это время скифов ничего не известно» (с. 82)³⁶.

Между тем, не повторяя аргументов, уже высказанных в упомянутом разборе монографии А.И. Иванчика³⁷, напомним, что характер свидетельств о пребывании киммерийцев и скифов в Передней Азии заставляет нас считать в полной мере сохраняющим актуальность давно высказанное в литературе мнение, согласно которому эти свидетельства не позволяют достаточно четко разграничивать зоны активности двух названных народов в этом регионе, как и сами эти народы. Поэтому нам представляется более правильным не атрибутировать переднеазиатские комплексы скифского облика как однозначно киммерийские, а более последовательно придерживаться в этом вопросе принципа, сформулированного самими авторами рецензируемой работы в ее «Заключении»: «В археологическом выражении материальная культура исторических киммерийцев (гимирри) в Передней Азии и культура северокавказских, причерноморских и переднеазиатских скифов-шкуда (и/ашкуза) оказываются чрезвычайно близкими и практически неотличимыми. Это сходство должно пониматься не как вынужденный скудостью археологического материала вывод, а как отражение реальной действительности в соотношении киммерийских и скифских древностей» (с. 91). Та же реальная действительность, по нашему мнению, почти три тысячелетия назад породила ситуацию, когда составители дошедших до нас восточных текстов далеко не всегда различали два интересующих нас народа, и с этим обстоятельством мы вынуждены считаться при этнической интерпретации археологического материала не меньше, чем с особенностями самого этого материала.

Кроме того, отнесение упомянутых «находок кочевнического типа» в Малой Азии исключительно ко второй четверти – середине VII в. до н.э. в настоящее время вряд

---

³⁵ Хотелось бы вместе с тем подчеркнуть, что отмеченные самими авторами рассматриваемой работы новейшие тенденции в осмыслении археологических данных, вызванные среди прочего значительным увеличением их объема, отнюдь не исключают возможности появления принципиально новых попыток соотношения этих данных с нарративными источниками. Так, то самое выделение в ареале черноморских памятников несколько локальных вариантов с различным генезисом, которое служит А.Ю. Алексееву и Н.К. Качаловой одним из главных доказательств несовместимости археологической картины с письменной традицией, открывает, на наш взгляд, возможность новых подходов к согласованию этих двух групп данных. Не преждевременным ли поэтому является высказанное в монографии мнение, что «все мыслимые сочетания черноморских и новочеркасских древностей с этником "киммерийцы" или "скифы" перебраны в отечественной литературе» (с. 75)? Однако любая попытка нового осмысления материала требует детального археологического обоснования и не может быть предложена в рамках данной работы.

³⁶ Обратим внимание на то, насколько близок методически подход, которым пользуются здесь авторы рецензируемой монографии, как и другие современные исследователи, ищущие памятники переднеазиатских киммерийцев, к методу критикуемых ими предшественников: и территория поисков, и примерная дата искомым комплексов, и их кочевнический воинский характер определяются по письменным данным. Но иных путей увязывания археологических данных с исторической этнонимией попросту не существует. Поэтому ничего особенно «парадоксального» (см. с. 51) в истории отечественных попыток выявить археологических киммерийцев мы не видим.

³⁷ Грантовский, Погребова, Раевский. Ук. соч.

ли может считаться совершенно надежно доказанным. Основным доводом, на котором А.Ю. Алексеев и Н.К. Качалова строят такую датировку, является отсутствие в рассматриваемых комплексах – прежде всего в Имирлере – трехлопастных наконечников стрел (с. 84). Но в этом комплексе нет и удлиненно-ромбических стрел жаботинско-енджинского типа, признаваемых наиболее ранним типом³⁸. Достаточно малое количество стрел в данном комплексе вообще не дает возможности для столь узкой датировки. Вопрос же о дате второго набора из 250 наконечников, происходящего примерно из того же района³⁹ и упоминаемого авторами (с. 85), требует более детального изучения. Аналогии некоторым из них среди находок в Богазкёе не исключают наличия здесь и более поздних экземпляров.

Если авторы рецензируемой книги считают культуру киммерийцев и культуру скифов – во всяком случае в их переднеазиатских проявлениях – «практически неотличимыми», то А.И. Иванчик в самое последнее время предпринимает попытки выявить черты, специфичные для первой из них и способные, по его мнению, в известной мере служить этническими маркерами. Как уже было отмечено в статье о монографии этого автора⁴⁰, он, последовательно продолжая свои киммероведческие штудии, от изучения восточных текстов обратился к исследованию археологического аспекта проблемы⁴¹, и его взгляды здесь во многом аналогичны точке зрения А.Ю. Алексеева, И.К. Качаловой и С.Г. Тохтасьева. Составив наиболее полную в отечественной, да и мировой, литературе сводку комплексов и отдельных предметов «скифского» облика из памятников Передней и Малой Азии и сопоставив их ареал и хронологию с сообщениями письменных источников, А.И. Иванчик пришел к «однозначному выводу», что такого типа «малоазиатские комплексы принадлежат именно киммерийцам, Gimmigaiа аккадских текстов, а не скифам, Iskuzaiа тех же текстов»⁴². О степени обоснованности столь жесткого разграничения этих двух народов по данным восточных источников уже приходилось говорить. В данный момент обратим внимание на попытку автора «в осторожной форме» отметить на основе анализа собранного им археологического материала некоторые «локальные особенности культуры малоазиатских киммерийцев внутри "раннескифской" культуры»⁴³. К ним отнесены использование биметаллических клевцов, форма некоторых бронзовых пронизей из Норшун-тепе, а также погребальные сооружения в виде углубленных или помещенных в яму каменных и каменно-сырцовых склепов. Автор идет еще дальше и, сопоставляя эти черты с обликом раннескифских памятников Центрального Предкавказья, опять-таки «в осторожной форме» предполагает принадлежность и последних киммерийцам.

Вряд ли подобные попытки можно считать сколько-нибудь оправданными. Во-первых, количество находок скифского типа, а тем более целостных комплексов в Передней Азии пока еще слишком незначительно, чтобы предпринимать опыты выявления в них локальной специфики. Может быть, по мере их накопления в них и удастся выделить некоторые локальные черты, но и тогда вряд ли будет правомерно трактовать их в чисто этническом плане как вследствие отмеченного ранее характера сопоставимых письменных данных, так и потому, что в этом регионе интересующий нас народ, судя по всему, был представлен военными отрядами и не приходится ожидать отражения в здешних памятниках полноценной этнографической картины.

³⁸ Петренко В.Г. К вопросу о хронологии раннескифских стрел курганов Центрального Предкавказья // Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990.

³⁹ Ünal V. Zwei Gräber eurasischer Reiternomaden im nordlichen Zentralanatolien // Beiträge zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie. 4. 1982. S. 69–81.

⁴⁰ Грантовский, Погребова, Риевский. Ук. соч.

⁴¹ Иванчик А.И. К вопросу об этнической принадлежности и археологической культуре киммерийцев. I. Киммерийские памятники Передней Азии // ВДИ. 1994. № 3; II. «Раннескифские» находки в Малой Азии // ВДИ. 1995. № 1.

⁴² Там же. I. С. 161.

⁴³ Там же. II. С. 20.

Во-вторых, археологические наблюдения автора не всегда точны и сами по себе, и в сопоставлении с письменными свидетельствами. Так, находки биметаллических клевцов, помимо перечисленных А.И. Иванчиком вслед за Б.Б. Пиотровским⁴⁴, известны и в других местах, например, в бассейне Северского Донца⁴⁵, а их ареал, включающий также Сибирь, Приаралье, Приуралье, Прикамье, Северный Кавказ много шире «тех районов, где письменные источники фиксируют пребывание киммерийцев»⁴⁶. Выделение по этому признаку внутри зоны распространения культур скифского типа «классических скифских памятников», предполагаемых древностей киммерийцев или каких-либо еще групп мы не можем признать обоснованным. Скрупулезно подходя к территориальной привязке этнонимов «скифы» и «киммерийцы» в пределах Передней Азии при интерпретации восточных текстов, автор на редкость решительно обращается с теми же этнонимами в тех случаях, когда выходит за границы этого региона и оперирует преимущественно археологическими данными. Тогда-то на страницах его работы появляются пассажи типа тезиса о «продвижении киммерийцев из Казахстана и Приуралья».

С той же решительностью А.И. Иванчик обращается с археологическим материалом и с мнениями своих предшественников и в других случаях. Мимходом затронув крайне дискуссионный вопрос о происхождении типичного для скифского искусства мотива свернувшегося в кольцо хищника, автор счел возможным сопоставить как «весьма близкие» его воспроизведение, найденное в Сардах, и костаную бутероль из Дарьевки⁴⁷. Но если во всем обширном наборе воплощений данного мотива и есть экземпляр, по всем характеристикам стилистически особенно несходный с сардским, то это именно дарьевская бутероль. Другой пример касается утверждения автора, что вопрос о хронологическом соотношении находок скифского типа в Закавказье и Кармир-Блуре решался по принципу замкнутого круга⁴⁸. Между тем, в работе М.Н. Погребовой, которой адресован этот упрек, основное внимание уделялось именно местному культурному фону, дающему соответствующим датировкам дополнительную опору⁴⁹.

Подобные примеры могут быть умножены, и потому при несомненной ценности составленной А.И. Иванчиком сводки находок скифского типа в Передней Азии предложенная им культурно-историческая их интерпретация требует, на наш взгляд, достаточно критической оценки.

Возвращаясь к разбираемой книге, приходится отметить одну любопытную ее особенность: завершив чтение, мы обнаруживаем, что, опровергнув многие из устоявшихся в специальной литературе стереотипов относительно киммерийцев, авторы оставляют без ответа важнейший вопрос их этнокультурной истории – проблему их происхождения.

В Передней Азии киммерийцы для них, без сомнения, – пришельцы. Для предшествующего этапа признается их присутствие в течение «некоторого времени» (с. 31) в Закавказье, которое в одном из контекстов не слишком корректно названо «первоначальным» (sic!) местом их пребывания (с. 78). Однако, поскольку культура этого народа, согласно авторам монографии, идентична скифской, не может, естественно, быть и речи о ее формировании на этой территории. Но при том, что значительная часть информации об истории киммерийцев, предшествующей их появлению там, провозглашается недостоверной, ответа на вопрос, откуда же

⁴⁴ Пиотровский Б.Б. Скифы и Урарту // ВДИ. 1989. № 3. С. 8–10.

⁴⁵ Подобед В.А., Ключев М.Н. Биметаллический чекан // Каталог случайных находок из археологических собраний Донецкой области (Археологический альманах № 1). Донецк, 1993. С. 45–46; см. также Подобед В.А. К вопросу о биметаллических чеканках // Древнейшие общества землевладельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. – V в. н. э. Тирасполь, 1994.

⁴⁶ Иванчик. Ук. соч. I. С. 159 сл.

⁴⁷ Там же. II. С. 18.

⁴⁸ Там же. I. С. 165.

⁴⁹ Погребова М.Н. О принципах датировки скифской архаики // РА. 1993. № 2.

приходит этот народ, мы в книге не найдем. Читателю приходится лишь предполагать, опираясь на знакомство с другими работами авторов, каковы их взгляды на смежные проблемы – прежде всего на проблему происхождения скифов и их культуры.

Отвергнув преобладающее мнение о киммерийской принадлежности «предскифских» – черноговорско-новочеркасских – памятников Восточной Европы, авторы приходят к выводу об идентичности киммерийской и скифской археологических культур. В этих условиях на понимание ими проблемы происхождения киммерийцев не могло не повлиять их представление о происхождении скифской культуры⁵⁰. По существу здесь выстраивается следующий силлогизм: киммерийцы и скифы – носители одной культуры; культура скифов сложилась за пределами Восточной Европы и Передней Азии – в центральноазиатском регионе; следовательно, киммерийцы могут быть только пришельцами оттуда же.

Разумеется, все только что сказанное – не изложение положений разбираемой монографии, а формулировка, порожденная нашим стремлением довести рассуждения ее авторов до логического конца и одновременно – заполнить некоторые смысловые лакуны, заметные в тексте книги. Но после того как это проделано, возникает вопрос: не оказались ли авторы монографии в той же мере в плену своего понимания археологического материала при толковании письменных данных, в какой, по их мнению, археологи при интерпретации своего материала скованы античной традицией? И не это ли в конечном итоге утвердило их в мысли о недостоверности свидетельств этой традиции относительно киммерийцев в Северном Причерноморье по очередному силлогизму: киммерийцы не обитали в Северном Причерноморье в доскифский период; античная традиция утверждает противоположное; следовательно, античная традиция на этот счет неверна?

Завершая наш анализ, необходимо отметить, что монографию трех авторов отличает нетривиальность подходов, детальность и тщательность в исследовании материалов и критическое отношение к стереотипам. Поэтому ее появление, без сомнения, окажет стимулирующее воздействие на дальнейшие разработки киммерийской проблемы. Осуществленные авторами источниковедческий анализ и критический разбор работ предшественников, безусловно, весьма полезны. Изложенные выше замечания имели целью лишь продемонстрировать, что выводы авторов отнюдь не окончательны и в свою очередь открывают возможность для выдвижения альтернативных гипотез.

М.Н. Погребова, Д.С. Раевский, И.В. Яценко

THE CIMMERIAN PROBLEM

M.N. Pogrebova, D.S. Raevsky, J.V. Yatsenko

The article continues the critical review of the sources on the Cimmerian problem begun in the analysis of A.I. Ivanchik's book «Cimmerians» published in the VDI (1998, № 1). An immediate reason for this was the publication of a study by A.Yu. Alexeev, N.K. Kachalova and S.R. Tochasyev «Cimmerians. Ethnocultural identify» (S.-Petersburg, 1993). In accordance with the contents of this book the article is primarily devoted to the principles of interpreting ancient evidence about Cimmerians and archaeological materials, whereas the previous article dealt mostly with the interpretation of ancient Oriental sources.

The authors of the article agree with the abovementioned researchers on the necessity of the sources analysis of the ancient tradition on the Cimmerians and the recreation of the history of its formation. At the same time they are against a hypercritical approach to this tradition which eventually leads to a denial of the historical core in reports on the Cimmerians in the northern Black Sea region. They disagree with

⁵⁰ См., например: *Алексеев А.Ю.* Скифская хроника (Скифы в VII–IV вв. до н.э.: историко-археологический очерк). СПб., 1992. С. 6, 7, 9, 13 и др.

the attribution of ancient evidence about this people to Hellenistic legends, as the former have elements going back to the Cimmerian-Scythian folklore tradition.

As for the interpretation of archaeological materials, it is hardly advisable to assert that it is wholly based on narrative evidence. The history of the question shows that the way of correlating written and archaeological data on the Cimmerian problem at each specific stage of its elaboration was largely determined by the amount of the material used in research and the level of knowledge gained in both fields of study. Their influence was mutual and conceptions were created not on the basis of a priori preference of a particular category of sources, but on the basis of their dialectic correlation. The authors of the book discussed in the article are probably right in supposing that the so-called Scythian complexes in Near Asia may belong both to the Scythians and the Cimmerians. However, the question of the material culture of the Cimmerians of the previous time and their original homeland remains unresolved. On the other hand, archaeological differences between some Near Asia finds of the «Scythian type» are clearly not sufficient to attribute them either to Cimmerian or Scythian ones on the evidence of ancient texts about the stay of these peoples on certain territories, as is done by A.I. Ivanchik in some of his recent articles, especially since the corpus of these texts is, to a considerable extent, random, and the strictly differentiated use of ethnonyms in them is rather questionable.

Великая греческая колонизация: итоги и перспективы изучения

© 1998 г.

ГРЕЧЕСКОЕ ПРОНИКНОВЕНИЕ В ВОСТОЧНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

2. Середина V–II в. до н.э.¹

1. АФИНЯНЕ В КОЛХИДЕ

В последней четверти VI в. до н.э. на поселениях и городищах Восточного Понта появляется аттический импорт, который с V в. до н.э. доминирует. Кроме аттической керамики находят и амфоры тех центров, которые были связаны с афинской посреднической торговлей (Жиос, Фасос, Менде, Лесбос и др.). Правда, самая ранняя аттическая расписная керамика (600–550 гг. до н.э.) проникает в Причерноморье довольно рано (Березань, Истрия, Аполлония). Афинская же политическая экспансия в этом регионе начинается только с середины – второй половины VI в. до н.э., когда были основаны поселения в Сигеоне, Херсонесе Фракийском и Елапоисе². После разгрома Персией ионийских центров экспансия афинян расширяется, и они выводят в Причерноморье множество поселений. Тогда же, судя по раскопкам в Пичвнари, в Колхиде появляются и афинские переселенцы.

Археологически в Пичвнари исследуются некрополи: греческие V и IV вв. до н.э., колхидские V и эллинизированного местного населения IV–III вв. до н.э., расположенные на отдельном участке. Греческий и колхский могильники определяются по характеру погребального инвентаря (на греческом – практически весь инвентарь греческого происхождения, а на колхском – колхидского) и погребальному обряду. Следует отметить, что между этими отдельно расположенными некрополями оставлены нераскопанные пространства, и не исключено, что после их исследования все эти могильники составят один огромный некрополь с определенной топографией по этническому и хронологическому принципам.

¹Первую часть см. ВДИ. 1997. № 2.

²Boardman J. *The Greeks Overseas*³. L., 1990; Bouzek J. *Studies on Greek Pottery*. Prague, 1990. P. 51–52.